Подлинная Барензия, т. 5

Подлинная Барензия

Том 5

Неизвестный автор

Как и предсказывал Симмах, последствия похищения Посоха хаоса не заставили себя долго ждать. Нынешний император, Уриэль Септим, прислал несколько холодных писем, в которых выражал неудовольствие и возмущение исчезновением Посоха, и торопил Симмаха найти его, и немедленно сообщить об этом новому имперскому боевому магу, Джагару Тарну, кому было поручено это дело.

"Тарн! - прогремел Симмах с отвращением и раздражением, ходивший по небольшой комнате, где Барензия, беременная уже несколько месяцев, спокойно вышивала детское одеяльце. - Джагар Тарн, в самом деле. Ай! Я бы даже не сказал ему, где улицу перейти, будь он хоть ковыляющим старым пьяным бродягой".

"А что ты против него имеешь, любимый?"

"Не доверяю я этому эльфу-полукровке! Он частично темный эльф, частично высокий эльф, и частично только богам известно кто. Все худшие качества этих рас собрал, могу заверить". Он фыркнул. "О нем никто ничего толком не знает. Он говорит, что родился в южном Валенвуде, а его мать была лесным эльфом. Похоже, он везде побывал..."

Барензия, усталая и довольная от беременности, до этого почти не слушала Симмаха. Но сейчас она бросила свою работу и посмотрела на него. Что-то заинтересовало ее. "Симмах. А этот Джагар Тарн не мог быть Соловьем, замаскированным?"

Симмах подумал, прежде чем ответить. "Нет, любимая. В крови Тарна нет

примеси человеческой". Барензия знала, что Симмах считал это недостатком. Ее муж презирал лесных эльфов - как ленивых воришек, а высоких эльфов - как изнеженных интеллигентов. Но он восхищался людьми, особенно бретонами, из-за их прагматизма, ума и энергии. "Соловей из Эбонхарта, из Клана Ра'атим - Дома Хлаалу, если быть точным, Дома Моры. В этом доме с самого начала присутствовала человеческая кровь. Эбонхарт завидовал тому, что Посох остался здесь, когда Тайбер Септим забрал Рог Призыва".

Барензия тихонько вздохнула. Соперничество между Эбонхартом и Морнхолдом началось почти с самого начала истории Морровинда. Когда-то две нации были едины, все прибыльные шахты находились во владении Ра'атим, чье дворянство сохраняло высшую королевскую власть Морровинда. Эбонхарт разделился на два отдельных города, Эбонхарт и Морнхолд, когда сыновья-близнецы королевы Лиан - внуки легендарного короля Морелина - стали наследниками. В это же время место высшего короля освободилось в пользу временного военного вождя, назначаемого советом во времена опасности.

Эбонхарт по прежнему оберегал свои привилегии старшего города Морровинда ("первый среди равных", - говорили его владыки) и утверждал, что охрана Посоха хаоса должна быть доверена его правящему дому. Морнхолд возражал, что король Морелин сам доверил хранение Посоха богу Эфену, а Морнхолд был местом его рождения.

"Почему ты тогда не расскажешь Джагару Тарну о своих подозрениях? Пусть он найдет его. Пока он в безопасности, неважно, где находится посох и кто его нашел, верно?"

Симмах непонимающе смотрел на нее. "Важно, - мягко сказал он через некоторое время, - но, полагаю, не слишком. Ай". И добавил: "Особенно тебе не стоит думать об этом. Просто сиди и занимайся своим, - тут он усмехнулся, - рукоделием".

Барензия швырнула в него вышивку. Она попала Симмаху прямо в лицо - с иголкой, наперстком, и прочим..

Еще через несколько месяцев Барензия родила здорового сына, и они назвали его Хелсетом. Ни о Посохе хаоса, ни о Соловье вестей не было. Если Посох был в Эбонхарте, его правитель не собирался этим хвастать.

Быстро и счастливо летели годы. Хелсет рос высоким и сильным. Он был очень похож на отца, которого очень почитал. Когда Хелсету было восемь лет, Барензия родила второго ребенка, дочь, и Симмах был совершенно счастлив. Хелсет был его гордостью, но малышка Моргия - названная в честь матери Симмаха - завладела его сердцем.

К несчастью, с рождением Моргии наступили не лучшие времена. Отношения с Империей все ухудшались по неизвестным причинам. С каждым годом повышались налоги и квоты. Симмах чувствовал, что император подозревает его в участии в похищении Посоха, и старался доказать свою верность, пытаясь выполнять все возрастающие запросы. Он увеличил рабочий день, поднял тарифы и даже восполнил недостачу в королевской казне из их личных сбережений. Однако налоги все росли: и дворяне, и простые люди начали жаловаться. Это было зловеще.

"Я хочу, чтобы ты забрала детей и отправилась в Имперский город, - сказал в отчаянии Симмах как-то за обедом. - Ты должна заставить императора выслушать себя, иначе весь Морнхолд восстанет этой весной". Он выдавил из себя улыбку. "Ты умеешь обращаться с мужчинами, любимая. Всегда умела".

Барензия тоже невесело усмехнулась. "Даже с тобой".

"Да. Особенно со мной", - мирно подтвердил он.

"Брать обоих детей?" Барензия посмотрела в угловое окно, где Хелсет бренчал на лютне и тихо пел дуэтом с младшей сестренкой. Хелсету было пятнадцать, а Моргии - восемь.

"Они могут смягчить его сердце. К тому же, пора представить Хелсета ко двору".

"Возможно. Но это не настоящая причина". Барензия сделала глубокий вдох и сказала прямо: "Ты не уверен, что сможешь защитить их здесь. Если дело в этом, то и тебе здесь небезопасно. Поедем вместе", - настаивала она.

Он взял ее за руки. "Барензия. Любовь моя. Сердце мое. Если я сейчас уеду,

возвращаться будет уже некуда. Не волнуйся за меня. Со мной все будет хорошо. Ай. Я могу позаботиться о себе, особенно, если мне не придется волноваться за тебя и детей".

Барензия прижалась к его груди. "Только помни, что ты нам нужен. Нам не так уж нужно все это, если мы есть друг у друга. Пустые руки и пустые животы не болят так, как пустое сердце". Она заплакала, вспомнив Соловья и происшествие с Посохом. "Это все случилось из-за моей глупости".

Он нежно ей улыбнулся. "Если это и так, то все не так плохо, как могло быть". Он посмотрел на детей. "Мы никогда не будет испытывать недостатка в чем-либо. Никогда. Никогда, моя любовь, обещаю тебе. Однажды я стоил тебе всего, Барензия, я и Тайбер Септим. Ай. Без моей помощи Империя не стала бы такой, как сейчас. Я способствовал ее рассвету". Его голос ожесточился. "И я могу способствовать ее падению. Можешь сказать это Уриэлю Септиму. Это, и то, что мое терпение не безгранично".

Барензия ахнула. Симмах не грозил попусту. Она была уверена, что скорее старый домашний волк, лежащий у очага, нападет на нее, чем Симмах восстанет против Империи. "Как?" - еле слышно спросила она. Но он только покачал головой.

"Лучше тебе не знать, - сказал он. - Просто скажи ему это, если он будет упорствовать, и не бойся. Он Септим, и не тронет посланника". Он угрюмо улыбнулся. "А если он и осмелится, если хоть пальцем тронет тебя, дорогая, или детей - и да помогут мне все боги Тамриэля, но он пожалеет о том, что появился на свет. Ай. Я убью и его, и его семью, и не успокоюсь, пока последний из Септимов не будет убит". Красные глаза темного эльфа Симмаха сверкали, отражая свет угасающего камина. "Я клянусь в этом тебе, любовь моя. Моя королева... моя Барензия".

Барензия обняла его так крепко, как только могла. Но, несмотря на жар объятий, она не перестала дрожать.

Барензия стояла перед троном императора, объясняя затруднительное положение в Морнхолде. Она неделями ждала аудиенции у Уриэля Септима, откладываемой под разными предлогами. "Его величеству нездоровится".

"Неотложное дело требует внимания его превосходительства". "Прошу прощения, ваше высочество, но произошла ошибка. Ваша встреча назначена через неделю. Видите ли..." А сейчас все шло еще хуже. Император даже не притворялся, что слушает ее. Он не пригласил ее сесть, и не отпустил детей. Хелсет стоял как каменное изваяние, но маленькая Моргия беспокоилась.

Она сама пребывала в смятении. Вскоре после того, как они прибыли в свои апартаменты, посол Морнхолда в Имперском городе попросил разрешения войти и принес послания от Симмаха. Плохие новости, худшие. Восстание, наконец, началось. Крестьяне собрались в группы при поддержке нескольких разгневанных представителей мелкого дворянства, и требовали, чтобы Симмах отдал бразды правления. Только Имперская стража и несколько отрядов тех семей, которые на протяжении многих поколений поддерживали дом Барензии, защищали Симмаха от толпы. Уже начались военные действия, но Симмах был в безопасности и успешно управлял. Ненадолго, писал он. Он просил Барензию сделать все возможное у императора; и она должна была оставаться в Имперском городе до тех пор, пока он не напишет ей, что можно безопасно вернуться домой вместе с детьми.

Она попыталась обойти Имперскую бюрократию - с незначительным успехом. К ее растущему страху, из Морнхолда перестали приходить известия. Разрываясь между гневом на многочисленных дворецких императора и страхом за свою судьбу и судьбу своей семьи, она ждала; недели проходили долго, тяжко, беспощадно. Но, однажды, посол Морнхолда сообщил ей, что, самое позднее - следующей ночью, должны прибыть известия от Симмаха, не как обычно, а с ночным ястребом. В этот же день ей сказали, что Уриэль Септим примет ее рано утром на следующий день.

Император приветствовал всех троих слишком широкой улыбкой, которая, тем не менее, не коснулась его глаз. Затем, когда она представляла своих детей, он пристально рассматривал их с совершенно неуместным выражением. Барензия общалась с людьми уже около пятисот лет и научилась в совершенстве читать выражения лица и движения так, что ни один человек не мог и предположить. Как ни пытался император скрыть, жажда была видна в его глазах - и что-то еще. Сожаление? Да. Сожаление. Но почему? У него самого были хорошие дети. Зачем ему нужны ее? И смотрит на нее с таким отчаянным, едва промелькнувшим желанием. Может быть, он устал от своей супруги? Люди были известны своим непостоянством. После долгого,

горящего взгляда, он, наконец, отвел глаза, а она говорила о своей миссии и происшествиях в Морнхолде. Все это время он сидел неподвижно, будто каменный.

Удивленная его вялостью, Барензия рассматривала бледное, застывшее лицо, пытаясь найти сходство с теми Септимами, которых она знала ранее. Она не очень хорошо знала Уриэля Септима, видела его однажды, когда он был еще ребенком, и еще раз, на его коронации двадцать лет назад. Всего два раза. На церемонии он, хоть и был молод, выглядел мрачно и величественно, но от него не исходило такого ледяного холода, как от этого повзрослевшего человека. Несмотря на внешнее сходство, он казался совсем другим человеком. Но что-то в нем было хорошо знакомым, более знакомым, чем это возможно, какой-то жест, или манера держаться...

Внезапно, она ощутила сильный жар. Иллюзия! Она хорошо изучила искусство иллюзий с тех пор, как ее так ужасно обманул Соловей. Она научилась распознавать иллюзии так же, как слепой чувствует жар солнца кожей. Иллюзия! Но почему? Ее ум лихорадочно работал, хотя она и не прекращала говорить о Морнхолде. Тщеславие? Люди порой так же стыдились признаков возраста, как эльфы гордились ими. Но лицо Уриэля Септима вполне соответствовало его возрасту.

Барензия не осмеливалась воспользоваться собственным волшебством. Даже мелкие дворяне могли обнаружить присутствие волшебной энергии, не говоря уж о защите от нее в своих владениях. Использование здесь волшебства могло разгневать императора не хуже, чем обнаженный кинжал.

Магия.

Иллюзия.

Она внезапно вспомнила Соловья. Будто бы он сидел рядом с нею. Потом видение сменилось, и перед ней был Уриэль Септим. Он выглядел грустным, будто загнанным в ловушку. Видение сменилось снова, и на его месте оказался другой человек, похожий на Соловья, и в то же время иной. Бледная кожа, покрасневшие глаза, эльфийские уши, и он излучал сильное ощущение угрозы, сверхъестественной энергии - ужасное, разрушительное сияние. Этот человек был способен на все!

А потом она вновь увидела перед собой лицо Уриэля Септима.

Может быть, ей это только почудилось? Возможно, ее разум сыграл с ней злую шутку. Она вдруг почувствовала себя совершенно разбитой, будто слишком долго несла тяжелую ношу. Она решила оставить комментарии неприятностей в Морнхолде - к тому же, это ей все равно ничего не давало - и решила просто полюбезничать. Тем не менее, с тайным умыслом.

"Вы помните, сир, как Симмах и я обедали с вашей семьей вскоре после коронации вашего отца? Вы тогда были не старше Моргии. Мы были польщены этой честью - ведь мы были единственными гостями в тот вечер - кроме вашего лучшего друга Джастина, конечно".

"О да", - промолвил император, осторожно улыбаясь. Очень осторожно. - Пожалуй, я припоминаю это".

"Вы с Джастином были такими хорошими друзьями, ваше величество. Мне сказали, что он умер не так давно. Такая жалость".

"Да. Я все еще не могу говорить о нем". Его взгляд стал совершенно пустым - еще более пустым, если только это было возможно. "Что же касается вашей просьбы, миледи, мы рассмотрим ее и сообщим вам позже".

Барензия поклонилась, дети последовали ее примеру. Кивком, император отпустил их, и они ушли.

Она глубоко вздохнула, выйдя из тронного зала. "Джастин" был придуманным приятелем, хотя маленький Уриэль всегда говорил, чтобы Джастину за каждой трапезой оставляли место. К тому же, Джастин, несмотря на мальчишеское имя, была девочкой! Симмах поддерживал эту шутку уже и после того, как она была почти позабыта. Он расспрашивал о здоровье Джастин всякий раз, как встречал Уриэля Септима, и тот серьезно отвечал ему. В последний раз Барензия слышала о Джастин несколько лет назад, когда император сказал Симмаху, что она встретила предприимчивого молодого каджита, вышла за него замуж, они поселились в Лиландриле и выращивают огненные папоротники и полынь.

Человек, сидящий на императорском троне - не Уриэль Септим! Соловей? Может быть?.. Да. Да! Барензия узнала его, и была уверена, что не

ошибается. Это был он. Он! Соловей! Он выдавал себя за императора! Симмах ошибался, так ошибался...

"Что же теперь?",- думала она. - Что случилось с Уриэлем Септимом, а точнее, что это означало для нее, Симмаха и всего Морнхолда?" Подумав, Барензия решила, что все их неприятности начались с появлением ложного императора, Соловья - кем бы он ни был на самом деле. Он, должно быть, занял место Уриэля Септима незадолго до того, как начались непомерные поборы с Морнхолда. Это объясняло, почему отношения начали ухудшаться так поздно (по людским меркам), много позже ее связи с Тайбером Септимом. Соловей знал о знаменитой преданности Симмаха и его знания дома Септимов, и нанес упреждающий удар. Если это было так, все они подвергались страшной опасности. Она и дети были в его власти в Имперском городе, а Симмах один справлялся с неприятностями в Морнхолде, организованными Соловьем.

Что же ей было делать? Барензия вела детей перед собой, положив руки им на плечи, и старалась держать себя в руках, ее фрейлины и рыцари личного эскорта шли позади. Наконец, они дошли до ожидавшей их повозки. Хотя их апартаменты были всего в нескольких кварталах от Дворца, королевское достоинство не позволяло идти пешком даже немного, и сейчас Барензия была этому рада. Повозка казалась безопасным убежищем, хотя она знала, что это чувство было ложным.

К одному из рыцарей подбежал мальчик, передал ему свиток и указал на повозку. Рыцарь принес свиток ей. Мальчик ждал, широко раскрыв восторженные глаза. Послание было кратким, и в нем спрашивалось, может ли Эдвир, король Вэйреста в провинции Хай Рок получить аудиенцию у знаменитой королевы Морнхолда, Барензии, так как много слышал о ней и хотел бы познакомиться лично.

Сначала, Барензия хотела отказаться. Она хотела покинуть город! Ее не привлекало общение с восхищенным человеком. Она нахмурилась, и один из стражей сказал: "Миледи, мальчик говорит, что его хозяин ожидает вашего ответа вон там". Она посмотрела в указанном направлении и увидела красивого пожилого мужчину верхом на коне, в окружении полудюжины придворных и охранников. Он встретил ее взгляд и почтительно поклонился, снимая шляпу.

"Хорошо, - внезапно сказала Барензия. - Скажи хозяину, что он может придти ко мне сегодня вечером, после обеда". Король Эдвир выглядел почтительным и серьезным, и даже обеспокоенным, но ни в коей мере не влюбленным. И то что-то, подумала она.
Барензия стояла у башенного окна в ожидании. Она чувствовала, что посланник близко. Но хотя ночное небо было ей видно так же ясно, как и днем, она не видела посланника. И вдруг он появился, пролетев как стрела под тонкими ночными облаками. Еще немного, и огромный ночной ястреб спустился, сложив крылья, и вцепился когтями в ее кожаный нарукавник.

Она отнесла птицу на насест, где нетерпеливыми пальцами нащупала послание, закрепленное на ноге. Ястреб долго пил, а потом взъерошил перья и начал прихорашиваться, успокоенный ее присутствием. Маленькая часть ее сознания разделяла его удовлетворение от хорошо проделанной работы и заслуженного отдыха, но было еще и беспокойство. Что-то было не так, даже по птичьему разумению.

Ее пальцы дрожали, когда она разворачивала тончайший пергамент и разбирала мелкий почерк. Это не уверенный почерк Симмаха! Барензия медленно села, разгладив письмо, готовясь принять новости спокойно, какими бы они ни были.

Они были ужасны.

Имперская стража покинула Симмаха и примкнула к мятежникам. Симмах погиб. Оставшиеся верные отряды потерпели поражение. Симмах погиб. Вождя мятежников провозгласили королем Морнхолда имперские посланники. Симмах погиб. Барензия и ее дети были объявлены предателями Империи, за их головы была назначена награда.

Симмах погиб.

Утренняя аудиенция у императора была ловушкой, уловкой. Игрой. Император уже знал. Связана по рукам и ногам. Не принимайте все близко к сердцу, миледи королева, наслаждайтесь Имперским городом и всем, что он может предложить вам, оставайтесь так долго, как пожелаете. Остаться? Она в плену. И, скорее всего, арест был не за горами. Она не заблуждалась относительно своего положения. Ей было известно, что император и его слуги никогда не позволят ей покинуть Имперский город. По крайней мере,

живой.

Симмах погиб.

"Миледи?"

Барензия вздрогнула, застигнутая врасплох. "В чем дело?"

"Бретон прибыл, миледи. Король Эдвир", - добавила женщина, заметив непонимающий взгляд Барензии. Она поколебалась. "Есть ли новости, миледи?" - спросила она, кивнув на ночного ястреба.

"Ничего срочного", - быстро сказала Барензия, и ее голос раскатился эхом в пустоте, разверзшейся внутри нее. "Позаботься о птице". Она встала, разгладила платье и приготовилась к встрече своего королевского посетителя.

Она будто окоченела. Она была так же холодна, как окружавшие ее каменные стены, как спокойный ночной воздух... так же холодна, как безжизненный труп.

Симмах погиб!

Король Эдвир приветствовал ее торжественно и любезно, правда, несколько неискренне. Он заверял ее, что восхищается Симмахом, заметно фигурировавшем в его семейных легендах. Постепенно, он перевел разговор на ее встречу с императором. Он расспрашивал о подробностях, и спросил, был ли исход удачным для Морнхолда. Она отвечала уклончиво, и он вдруг выпалил: "Королева, вы должны мне поверить. Человек, выдающий себя за императора - самозванец! Знаю, это похоже на безумие, но я..."

"Нет, - решительно сказала Барензия. - Вы совершенно правы. Я знаю".

Эдвир откинулся на спинку кресла, пронзительно глядя на нее. "Вы знаете? Вы не подшучиваете над безумцем?"

"Уверяю вас, милорд, я не шучу". Она глубоко вздохнула. "Как вы думаете, кто выдает себя за императора?"

"Имперский боевой маг, Джагар Тарн".

"А. Милорд, вы случайно никогда не слышали о некоем Соловье?"

"Да, Миледи, приходилось. Я и мои союзники полагаем, что это один и тот же человек - предатель Тарн".

"Я так и знала!" - Барензия встала и постаралась скрыть свое волнение. Соловей - Джагар Тарн! О, да он настоящий демон! Дьявольски коварен. И очень умен. Он организовал их поражение просто безупречно. Симмах, мой Симмах...!

Эдвир робко кашлянул. "Миледи, я... нам... нам нужна ваша помощь".

Барензия мрачно улыбнулась. "Я полагала, что мне самой придется просить о помощи. Но, пожалуйста, продолжайте. Чем я могу помочь, милорд?"

Монарх быстро набросал план. Маг Риа Сильмейн, недавно обучавшаяся у Джагара Тарна, была объявлена предательницей, и ее казнили по приказу ложного императора. Но она сохранила часть своей силы и может общаться с теми, кого хорошо знала на смертном плане бытия. Она выбрала Героя, который отыщет Посох хаоса, сокрытый мятежным чародеем. Герой воспользуется Посохом, чтобы уничтожить Джагара Тарна, неуязвимого для другого оружия, и спасет настоящего императора, заключенного в ином измерении. Герой, к счастью, еще жив, но томится в имперской темнице. Необходимо отвлечь внимание Тарна, чтобы избранный, с помощью духа Рии, выбрался на свободу. Барензия могла отвлечь не только слух, но и взгляд ложного императора. Согласна ли она отвлечь его?

"Полагаю, я могла бы добиться у него еще одной аудиенции, - осторожно сказала Барензия. - Но будет ли этого довольно? Я должна сказать, что меня и моих детей недавно объявили предателями Империи".

"Может быть, в Морнхолде, миледи, и в Морровинде. В Имперском городе и Имперских провинциях не все одинаково. Та же административная трясина, из-за которой почти невозможно добиться встречи с императором и его министрами, обеспечивает и то, что вас не арестуют или не накажут каким-то другим способом без должного процесса. В вашем случае, миледи, и ваших детей, положение усугубляется вашим королевским положением. В качестве королевы и наследников вы неприкосновенны - практически священны". Король ухмыльнулся. "Имперская бюрократия, миледи - обоюдоострое оружие".

Ясно. По крайней мере, некоторое время она с детьми будет в безопасности. А потом она спросила: "Милорд, что вы имели в виду, сказав, что я могу отвлечь и взгляд ложного императора?"

Эдвир смутился. "Слуги говорили, что в палатах Джагара Тарна в подобии святилища он держит ваш портрет".

"Понятно". Ее мысли тут же обратились к тому безумному роману с Соловьем. Она до безумия любила его. Глупая женщина. И мужчина, в которого она когда-то была влюблена, стал причиной гибели мужчины, которого она по-настоящему любила. Любила. Любила. Теперь его нет, он... он... Она никак не могла смириться с мыслью о том, что Симмах погиб. Но даже если он мертв, твердо сказала она себе, моя любовь жива и остается. Он будет с ней. Как и боль. Боль существования до конца жизни без него. Боль каждого нового дня, ночи, без его присутствия, его утешения, его любви. Боль осознания того, что он не сможет увидеть своих детей взрослыми, а они не узнают своего отца, каким он был отважным, каким сильным, замечательным, любящим...особенно малышка Моргия.

И за это, за все это, за все, что ты сделал с моей семьей, Соловей - ты должен умереть.

"Это вас удивляет?"

Слова Эдвира прервали ее мысли. "Что? Что должно меня удивлять?"

"Ваш портрет. В комнатах Тарна".

"А, - невозмутимо сказала она. - Да. И нет".

Эдвир понял по выражению ее лица, что она хотела сменить тему. Он снова занялся планами. "Нашему избраннику может понадобиться несколько дней, чтобы сбежать, миледи. Не могли бы вы постараться предоставить ему это время?"

"Вы доверите мне это, милорд? Почему?"

"Мы в отчаянии, миледи. У нас нет выбора. Но даже если бы и был - конечно. Я доверил бы вам это. Я вам доверяю. Ваш муж благоволил моей семье долгие годы. Лорд Симмах..."

"Погиб".

"Что?"

Барензия быстро пересказала ему последние события.

"Миледи... Королева... как ужасно! Мне... мне очень жаль..."

Впервые, Барензия почувствовала, что теряет свое ледяное спокойствие. Перед сочувствием она чуть не сломалась. Она постаралась взять себя в руки.

"В свете обстоятельств, миледи, мы едва ли можем..."

"Нет, милорд. Именно из-за этих обстоятельств я должна сделать все, что смогу, дабы отомстить за смерть отца моих детей". Одна слезинка покинула крепость ее глаз. Она нетерпеливо смахнула ее. "За это я прошу только одного. Чтобы мои осиротевшие дети были в безопасности".

Эдвир вытянулся. Его глаза засияли. "Я с радостью обещаю вам это, храбрейшая и благороднейшая из королев. Пусть боги наших земель, и сам Тамриэль, будут тому свидетелями".

Его слова глупо, но глубоко тронули ее. "Благодарю вас, от всего сердца, король Эдвир. И я, и дети, мы всегда б-будем б-бла-благо -"

Она зарыдала.

Этой ночью она не спала; сидела на стуле возле кровати, сложив руки на коленях и глубоко задумавшись в сгущающейся и рассасывающейся темноте. Она не скажет детям, не сейчас, потом, когда придет время.

Ей не понадобилось добиваться аудиенции у императора. На рассвете за ней пришли.

Она сказала детям, что, возможно, ее не будет несколько дней, попросила их хорошо себя вести и поцеловала на прощание. Моргия немножко поплакала, в Имперском городе ей было скучно и одиноко. Хелсет выглядел сурово, но ничего не сказал. Он был так похож на своего отца. Его отца...

В Имперском дворце Барензию проводили не в большой приемный зал, а в небольшую комнату, где император сидел за завтраком. Он кивнул ей в знак приветствия и помахал рукой в сторону окна. "Великолепный вид, не правда ли?"

Барензия смотрела на башни великого города. Вдруг она поняла, что это - та самая комнате, где она впервые встретила Тайбера Септима, так давно. Несколько веков назад. Тайбер Септим. Еще один возлюбленный. Кого еще она любила? Симмаха, Тайбера Септима... и Строу. Она вспомнила большого светловолосого конюха с неожиданной нежностью. До сих пор она не понимала, что любила Строу. Но так никогда ему об этом не сказала. Она была тогда так молода, какие были беззаботные, спокойные деньки... прежде, до этого... до...него. Не Симмаха. До Соловья. Она испугалась себя. Этот человек по-прежнему влиял на нее. Даже теперь. После всего, что случилось. На нее нахлынули эмоции.

Когда она обернулась, Уриэля Септима не было. Вместо него сидел Соловей.

"Ты знала, - тихо сказал он, изучая ее лицо. - Ты сразу поняла. Мгновенно. Я хотел удивить тебя. Ты хотя бы могла притвориться".

Барензия раскинула руки, пытаясь утихомирить внутреннюю бурю. "Боюсь, я не умею притворяться так хорошо, как вы".

Он вздохнул. "Ты злишься".

"Немного, должна признать, - проговорила она ледяным тоном. - Не знаю, как вы, но я нахожу предательство оскорбительным".
"Как это по-людски".

Она глубоко вздохнула. "Что ты от меня хочешь?"

"А вот теперь ты притворяешься". Он встал перед ней. "Ты знаешь, чего я хочу".

"Хочешь пытать меня. Можешь начинать. Я в твоей власти. Но оставь в покое моих детей".

"Нет, нет, нет. Барензия, мне это совсем не нужно". Он подошел ближе, говоря тем самым голосом, от которого у нее побежали мурашки по всему

телу. Тот самый голос. "Разве ты не видишь? У меня не было выбора". Он взял ее за руки.

Она чувствовала, что поддается, а ее отвращение к нему ослабело. "Ты мог забрать меня с собой". Непрошеные слезы навернулись на глаза.

Он покачал головой. "Я был недостаточно силен. Зато сейчас, сейчас!.. У меня достаточно сил. Достаточно и для меня, и - для тебя". Он снова помахал в сторону окна, и города за ним. "Я весь Тамриэль положу к твоим ногам - и это только начало".

"Уже поздно. Слишком поздно. Ты оставил меня ему".

"Он умер. Крестьянин умер. Несколько лет - да что они значат!"

"Но дети--"

"Я их усыновлю. И у нас с тобой тоже будут дети, Барензия. Какими они будут! Что мы им дадим! Твоя красота, и моя магия. Я обладаю силами, о которых ты и не мечтала, даже в самых диких фантазиях". Он придвинулся, чтобы поцеловать ее.

Она выскользнула из его объятий и отвернулась. "Я тебе не верю".

"Веришь, и ты это знаешь. Просто ты еще злишься". Он улыбнулся. Но улыбка не тронула его глаза. "Скажи, чего ты хочешь, Барензия. Барензия, возлюбленная моя. Скажи. Я все сделаю".

Вся ее жизнь промелькнула перед глазами. Прошлое, настоящее и грядущее. Разные времена, разные жизни, разные Барензии. Какая из них настоящая? Кто из них подлинная Барензия? От этого выбора зависела ее судьба.

Она выбрала. Она знала. Она знала настоящую Барензию, и ее желания.

"Прогулка в саду, - сказала она. - Может, несколько песен".

Соловей засмеялся. "Ты хочешь ухаживаний".

"А почему нет? У тебя хорошо получается. К тому же, давно у меня не было подобного удовольствия".

Он улыбнулся. "Как пожелаете, королева Барензия. Ваше желание - для меня закон". Он поцеловал ей руку. "Отныне и навсегда".

Они проводили дни в ухаживании - гуляли, разговаривали, пели и смеялись вместе, а дела Империи были оставлены на подчиненных.

"Мне бы хотелось увидеть Посох", - однажды сказала Барензия. - Я не успела его рассмотреть, как ты помнишь".

Он нахмурился. "Для меня нет удовольствия выше, радость моя - но это невозможно".

"Ты мне не доверяешь", - надулась Барензия, но смягчилась, получив поцелуй.

"Вовсе нет, любимая. Доверяю. Но его здесь нет". Он засмеялся. "Если честно, его больше нигде нет". Он снова поцеловал ее, на этот раз более страстно.

"Ты опять говоришь загадками. Мне хочется на него посмотреть. Ты же не мог его уничтожить".

"А. Твоя мудрость возросла со времени нашей последней встречи".

"Ты каким-то образом пробудил во мне жажду знаний". Она встала. "Посох хаоса нельзя уничтожить. Его нельзя убрать из Тамриэля без ужасных последствий для самой страны".

"Ааа. Я восхищен, любовь моя. Все так и есть. Он не уничтожен, и он не за пределами Тамриэля. Я же сказал, что его нет нигде. Разгадаешь эту загадку?" Он притянул ее в свои объятия. "Но есть и большая загадка, - прошептал он. - Как сделать одного из двух? Вот это я могу показать тебе". Их тела слились воедино.

Позже, когда они утомились, и он задремал, она сонно подумала: "Один из двоих, два из одного, три из двоих, два из трех... что нельзя уничтожить, или изгнать, пожалуй, можно разделить..."

Она встала с улыбкой. Ее глаза сверкали.

Соловей вел дневник. Он делал записи каждую ночь, выслушав краткие доклады подчиненных. Он запирал его, но замок был простым. Ведь когда-то она состояла в Гильдии воров, в прошлой жизни... в другой жизни... другая Барензия...

Однажды утром Барензии удалось заглянуть в дневник, пока Соловей занимался своим туалетом. Она выяснила, что первая часть Посоха хаоса была спрятана в старой шахте двемеров, называемой Логово Клыка, но указания к ее местонахождению были весьма расплывчаты. Дневник был заполнен записями, сделанными в разное время без всякого порядка, и его было трудно читать.

Весь Тамриэль, подумала она, в его руках и моих, а может и больше, но все же...

Несмотря на внешнее обаяние, внутри него была холодная пустота вместо сердца, вакуум, о котором он не знал, подумала она. Это можно заметить порой, когда его глаза теряют выражение и холодеют. Но все же, хоть он и понимал это по другому, он стремился к счастью и радости. Крестьянские мечты, подумала Барензия, и снова ей представился Строу, грустный и потерянный. Потом Террис, с кошачьей улыбкой каджита. Тайбер Септим, могущественный и одинокий. Симмах, крепкий, стойкий Симмах, делавший то, что было нужно, тихо и эффективно. Соловей. Соловей, загадка и уверенность, и свет, и тьма. Соловей, правящий всем, больше того, распространяющий хаос во имя порядка.

Барензия неохотно рассталась с ним, чтобы повидать детей, которым надо было сказать о смерти их отца и предложении защиты императором. Она сделала это, но было нелегко. Моргия плакала у нее на руках долго-долго, а Хелсет убежал в сад, чтобы побыть одному, а после отказывался говорить об отце, и даже не позволял себя обнять.

Эдвир говорил с ней, пока она была там. Она рассказала ему все, что узнала, и сказала, что ей придется еще побыть там и узнать как можно больше.

Соловей поддразнивал ее из-за старшего поклонника. Он знал о подозрениях Эдвира, но не тревожился, потому что никто не принимал старика всерьез. Барензия смогла организовать нечто вроде примирения. Эдвир публично отрекся от своих подозрений, а его "старый друг" император простил его.

После этого его приглашали отобедать с ними хотя бы раз в неделю.

Детям нравился Эдвир, даже Хелсету, который осуждал связь матери с императором и не выносил его. Со временем он сделался темпераментным и неприветливым, и часто ссорился и с матерью, и с ее любовником. Эдвиру тоже не нравились их отношения, а Соловей пользовался этим и открыто показывал свою привязанность к Барензии, чтобы поизводить старика.

Они не могли пожениться, потому что Уриэль Септим был уже женат. Соловей изгнал императрицу вскоре после того, как заменил императора, но не осмеливался причинить ей вред. Она нашла прибежище в Храме Единого. Было объявлено, что у нее было плохое здоровье, и ходили слухи, создаваемые подчиненными Соловья, что у нее были и психические проблемы. Детей императора также разослали в разные тюрьмы, замаскированные под "школы".

"Скоро ей станет хуже, - беззаботно сказал об императрице Соловей, с удовлетворением разглядывая разбухшие груди и живот Барензии. - Что касается детей... В жизни полно случайностей, верно? И мы поженимся. Твой ребенок будет моим истинным наследником".

Он и в самом деле хотел ребенка. Барензия была в этом уверена. Но гораздо меньше она была уверенна в его чувствах к ней. В последнее время они часто ссорились, обычно из-за Хелсета, которого Соловей хотел отправить в школу на острове Саммерсет, самой дальней провинции от Имперского города. Барензия не пыталась прекратить эти препирательства. Соловья, в конце концов, не интересовала спокойная, размеренная жизнь, к тому же ему очень нравилось мириться после...

Иногда Барензия забирала детей и перебиралась в прежние апартаменты, объявляя, что больше не хочет иметь с ним ничего общего. Но он всегда приходил за ней, и она возвращалась. Это было также неописуемо, как восход и закат лун-близнецов Тамриэля.

Она была на шестом месяце, когда, наконец, выяснила местоположение последней части Посоха - простое, ведь каждый темный эльф знал, где была гора Дагот-Ур.

Когда она в следующий раз поссорилась с Соловьем, она уехала из города с Эдвиром, и они отправились в Хай Рок, в Вэйрест. Соловей разозлился, но сделать почти ничего не мог. Его убийцы не подходили для этого, а он боялся оставить трон, чтобы наказать их самому. Он не мог открыто объявить войну Вэйресту. У него не было законных прав, ни на нее, ни на ее пока нерожденного ребенка. К тому же, дворяне Имперского города осуждали его отношения с Барензией, как когда-то осуждали Тайбера Септима, и были рады избавиться от нее.

В Вэйресте ей тоже не доверяли, но в маленьком городе Эдвира фанатично почитали и прощали его... эксцентричность. Барензия и Эдвир поженились через год после рождения ее ребенка от Соловья. Несмотря на это, Эдвир до безумия любил и жену, и ее детей. Она же не любила его, но относилась к нему с нежностью. Так хорошо не быть одной, а Вэйрест был очень хорошим городом, особенно для детей, пока они росли, и, ожидая своего времени, молились, чтобы Герой выполнил свою миссию.

Барензия могла только надеяться, что этот безымянный Герой не станет затягивать. Она была темным эльфом, и времени у нее было довольно. Много времени. Но больше не осталось любви, которой можно было бы поделиться, и ненависти, чтобы снова гореть. У нее остались только боль и воспоминания... и ее дети. Она хотела вырастить свою семью и обеспечить им хорошую жизнь, и остаться доживать свою. Она не сомневалась, что жизнь будет долгой. И от нее ей хотелось только мира, тишины, и спокойствия, в душе и в сердце. Крестьянские мечты. Этого она и хотела. Этого хотела настоящая Барензия. Это и была подлинная Барензия. Крестьянские мечты.

Приятные мечты.

Подлинная Барензия, т. 5

FormId	skyrim.esm:01ACDA
Owning plugin	skyrim.esm
Local FormId	01ACDA
Editor ID	Book2CommonRealBarenziahV5
Inventory image	(none)
Menu art	HighPolyBookLarge01
Value (gold)	5
Type	Book or tome
Weight	1
Can be taken	Yes
Teaches	(none)
Inventory description	(none)
Keywords	VendorItemBook
Locations	1262
Leveled lists	12
Scripts	0

© Bethesda Softworks LLC and the authors of the mods in the load order.
Exported and generated with SkyrimSourceExporter.